

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Пять месяцев спустя Бен нервничал, его правое колено качалось вверх и вниз, когда он сидел в первом ряду в полутора метрах позади Дженнифер и Ребекки. Они потратили последние четыре дня на подбор жюри присяжных, и Ребекка заверила Дженнифер и его, что оно хорошее. Пять мужчин и семь женщин; только один из мужчин не был женат, но зато был помолвлен, а три женщины были незамужними, но это не имело значения для заявления о самообороне, основанной на попытке изнасилования.

Бен заметил, что Дженнифер выглядит неважно. Она была одета в простую белую блузку и серую юбку, без макияжа, волосы тусклые от дешевого тюремного шампуня. Наиболее заметно то, что она была бледной, изможденной и с темными кругами под глазами. Он знал, что заключение определенно не пошло ей на пользу. Но опять же, кому оно идет на пользу, кроме психов и профессиональных преступников?

С другой стороны, Ребекка была образцом сильной самоуверенности. На ней были черная юбка и пиджак поверх белой блузки, простое ожерелье с крестиком виднелось у основания ее тонкой шеи, волосы были аккуратно уложены, глаза неотрывно смотрели, когда Найт закончил свою вступительную речь и занял свое место за столом адвоката, повернувшись, чтобы взглянуть на Ребекку, с поднятыми бровями.

— Желает ли защита выступить со вступительным словом сейчас? — спросил судья Фельдман со скамейки запасных.

Ребекка встала.

— Нет, ваша честь, — сказала она. — Если суд разрешит, мы хотели бы отложить его до начала рассмотрения нашего дела.

— Суд разрешает, мисс Лайонс, — ответил он. Обращаясь к Найту, он сказал: — Штат, пожалуйста, вызовите вашего первого свидетеля.

— Ваша честь, — сказал Найт, стоя на трибуне и повернувшись к двери в задней части зала суда, — штат желает вызвать Дебору Бруссар.

Бен ожидал этого. Ребекка объяснила, как на самом деле работает судебный процесс в реальном мире — те, что не искажены в телевизионных фильмах. Первым свидетелем почти всегда был свидетель не на жизнь, а на смерть. Это была свидетельница, вызванная для дачи показаний, она видела потерпевшего незадолго до смерти, и он был жив. Затем она видела его после смерти, и он был мертв. Это казалось смешным, но чтобы доказать убийство, нужно было иметь свидетельство того, что живой человек теперь мертв; затем следовало, чтобы коронер дал показания, что смерть наступила насильственным путем; затем у вас был оставшийся набор свидетелей, чтобы засвидетельствовать, что обвиняемый был лицом, виновным в этой смерти насильственным путем. Более того, Ребекка сказала Бену, что оставшиеся в живых супруги неизбежно вызываются в качестве свидетелей жизни и смерти, потому что они немедленно вызывают сочувствие присяжных, презрение к негодяю, обвиняемому в разрушении жизни этого бедного свидетеля путем убийства супруга, и признание того, что реальный человек был теперь мертв, пораженный в расцвете своей счастливой идиллической жизни.

Судебный пристав открыл дверь, и по проходу между сиденьями к скамейке зашагала Дебора

Бруссар. Найт застыл при виде ее появления, и Бен повернулся, чтобы посмотреть.

Дебора Бруссар была одета в сверкающее множество дорогих золотых и бриллиантовых украшений, в струящийся белый брючный костюм который подчеркивал ее длинные ноги и блеск украшений. Бен понял, что она совсем не похожа на скорбящую вдову, и повернулся, чтобы уловить реакцию Ребекки. Губы Ребекки были сжаты, но в ее глазах искрился смех.

Свидетель был приведен к присяге, и Дебора выступила в качестве свидетеля. Первые несколько вопросов были вводными. Имя, адрес, род занятий, сколько времени вы там прожили, были ли в браке, с кем, когда были в браке, были ли у вас дети. Затем начался фейерверк.

— Миссис Бруссар, до позднего вечера двадцать третьего сентября, когда вы в последний раз видели своего мужа, — спросил Найт, задавая вопрос, — живым?

— Двадцать первого сентября, — ответила она, и на ее губах заиграла тень улыбки. Бен видел, как Ребекка сосредоточилась на свидетеле, так же как и он интересуясь странной реакции скорбящей вдовы.

— Вы имеете в виду двадцать второе, не так ли? — сказал Найт, листая перед собой стопку полицейских отчетов.

— Возражаю, — сказала Ребекка. — Вопрос задан и отвечен.

— Возражение не принимается, — сказал Фельдман. — Свидетельница может ответить, чтобы прояснить путаницу.

Дебора улыбнулась судье, затем снова повернулась к Найту:

— Нет, мистер Найт, я имею в виду двадцать первое.

— Но ранее вы сказали детективу Робинсону, детективу, ведущему дело, что в последний раз видели его двадцать второго, не так ли?

— Возражаю, — сказала Ребекка. — Он обвиняет собственного свидетеля.

— Принимается.

Найт сделал паузу, посмотрел на Ребекку, затем снова на свои записи, перевернул страницу своего списка вопросов и продолжил:

— Хорошо, двадцать первого. Где вы были, когда увидели его?

— В своем доме.

— Вы имеете в виду в вашем и вашего мужа доме, верно, миссис Бруссар? — поправил Найт.

— Нет, мистер Найт. Я имею в виду именно мой дом. Дом является и всегда был исключительно моим.

Теперь Бен улыбался, заметив, что члены жюри были очарованы ее поведением, и по крайней мере один из членов жюри улыбался и кивал головой. Она определенно не очень хорошо играла роль скорбящей вдовы.

— Хорошо, миссис Бруссар, в последний раз вы видели своего мужа в вашем доме двадцать первого числа. Был ли он тогда жив?

Она фыркнула.

— Думаю так можно сказать, мистер Найт. Но если вам требуются детали, то лучше спросить у той шлюхи, раздеванием которой он был занят.

Бен чуть не рассмеялся вслух, а несколько членов жюри едва сдерживали смех, в то время как несколько других повернулись к Найту, чтобы уловить его реакцию.

— Тишина, — прогремел судья Фельдман, заглушая громкий ропот из галереи. Достигнув тишины, он повернулся к Найту и, подавив ухмылку, сказал: — Пожалуйста, продолжайте,

мистер Найт.

Найт сглотнул и пролистал ряд вопросов. Наконец, дойдя до того, что ему понравился, он спросил:

— Хорошо, когда вы увидели своего мужа в следующий раз после двадцать первого числа, когда вы его видели... эээ... с другой... ?

— Примерно в десять тридцать двадцать третьего, он лежал посреди пола своей берлоги примерно в полутора метрах от того места, где я последний раз видела его два дня назад.

— А каково было его состояние в то время?

Дебора подняла брови.

— Ну, конечно же, он был мертв.

Найт посмотрел на свидетеля, не зная, продолжать ли. Через мгновение он сказал:

— Больше вопросов к этому свидетелю нет, ваша честь.

С этими словами Найт захлопнул папку с тремя кольцами, где были скрывались его вопросы, суну ее под мышку и зашагал обратно к столу представителей.

— Мисс Лайонс, — сказал судья Фельдман, заканчивая свои записи, — есть ли у защиты какие-либо вопросы к миссис Бруссар?

— Да, ваша честь, — сказала Ребекка, вставая на ноги и направляясь к скамье присяжных. В отличие от Найта, остававшегося приклеенным к трибуне посреди площадки, Ребекка прислонилась к скамье присяжных. Бен видел, как глаза всех присяжных обратились к ней в ожидании ее первого вопроса.

— Миссис Бруссар, — сказала Ребекка, когда все взгляды остановились на ней, — я хотела бы воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить свои соболезнования в связи с потерей вами мужа. — Дебора кивнула. — Я уверена, что для вас это очень сложно, — продолжила Ребекка.

Дебора фыркнула.

— На самом деле, я довольно хорошо это переживаю.

Несколько женщин-присяжных, включая всех трех одиноких женщин, улыбнулись этому комментарию. Бен понял, что они думали про Алена Бруссара: «скатертью дорога».

— Миссис Бруссар, если вы не возражаете, у меня есть несколько вопросов. — Дебора кивнула. — Вы сказали, что в последний раз, когда вы видели своего мужа, он был с другой женщиной? — Да, еще одной в их длинной череде.

Бен посмотрел на Найта, пристально смотрящего на свидетельницу. Его первый свидетель уже стал катастрофой для штата; она настроила все жюри против жертвы и изобразила его как слизь первого порядка.

— Вы знали эту женщину?

— Нет, эту я раньше не видела.

— Как она выглядела?

Дебора на мгновение задумалась.

— Полагаю, как и большинство остальных.

— Большинство остальных в его «длинной череде женщин»?

— Да, — сказала Дебора. — От двадцати до тридцати пяти, стройная, светлые волосы.

Симпатичная.

Ребекка махнула рукой в сторону Дженнифер, и Бен увидел, что его жена напряглась от внимания всех присяжных заседателей.

— Такая как миссис Брэдфорд?

— О да, — сказала Дебора, — во многом как миссис Брэдфорд.

— И что это была за женщина, с которой он был двадцать первого, какова была ее манера поведения?

— Возражаю, — сказал Найт, поднимаясь на ноги. — Неактуально.

— Мисс Лайонс?

— Они сами открыли дверь, ваша честь. Я думаю, что нам разрешено исследовать этот путь более полно, особенно с учетом всего объема показаний до сих пор и характера утвердительной защиты, который мы заявили в наших состязательных бумагах.

Судья Фельдман кивнул.

— Снимаю возражение. Свидетель, отвечайте на вопрос.

— Какая была манера поведения женщины? — спросила Дебора. Ребекка кивнула. — Она плакала.

— Ваш муж раздевал ее, а она плакала?

— Возражаю, — прогремел Найт.

— Снимаю, — парировал судья Фельдман.

— Да. Она выглядела очень неохотной. Она рыдала, говоря ему, что это было неправильно...

— Возражаю. Слухи.

— Правда или нет — не играет роли, — парировала Ребекка. — Важно указание на поведение женщины.

— Верно. Возражение отклонено, — сказал судья Фельдман. Повернувшись к Деборе, он сказал: — Она плакала и говорила ему, что это неправильно. Что-нибудь еще?

— Да, ваша честь, она медленно двигалась. Ну, знаете, как будто была зомби. Она не помогала ему, просто давала себя обнимать, плакала и просила его остановиться.

— А что сделали вы, миссис Бруссар? — спросила Ребекка.

— Я предложила ей пойти со мной.

— Она это сделала?

— Она не захотела. Я сказала ей, что ей не требуется делать ничего, что она не хочет, но она просто села. Я сказала Алену оставить ее в покое, но он лишь ухмыльнулся и ответил, что она более чем готова. Что это лишь небольшая игра, в которую они время от времени играют. Он сказал, что я могу составить компанию, чтобы посмотреть, насколько это весело.

— Вы позвонили в полицию?

Дебора опустила глаза.

— Нет. Я предлагала, но женщина умоляла меня этого не делать. Она сказала, что с ней все будет в порядке.

Ребекка постучала костяшками пальцев по поручню присяжных.

— Спасибо за честность, миссис Бруссар, — обернувшись к скамейке, сказала она. — У меня больше нет вопросов к этому свидетелю, ваша честь.

Судья Фельдман кивнул и повернулся к Найту.

— Мистер Найт? Какие-нибудь дополнительные вопросы?

Найт откашлялся и встал.

— Нет, ваша честь.

— Тогда свидетель свободен. Миссис Бруссар, пожалуйста, не обсуждайте свои показания с другими свидетелями, находящимися в коридоре. Вы понимаете?

Дебора кивнула.

— Я не буду, ваша честь.

— Спасибо. — Обращаясь к Найту, судья Фельдман сказал: — Штат может вызвать своего следующего свидетеля.

Найт вызвал доктора Энтони Иатролла, coronera округа Лейк. Бен чуть не заснул во время сухого свидетельства о причинах смерти, проникающей силе и так далее, и тому подобное. Даже фотографии были не очень интересными. Они показали Бруссара, свернувшегося лицом вниз в луже крови, несколько фотографий царапин на его шее и пенисе, а на некоторых были показаны крупные планы смертельной колотой раны, крошечный кусочек на пару сантиметров или около того в его грудной клетке, прямо справа от грудины.

Во время перекрестного допроса Ребекка сначала сосредоточилась на времени смерти. Доктор Ятролла оценил смерть в тот вечер между семью и десятью часами. Конечно, признал он, это могло быть раньше и, конечно, могло быть позже. Дом был оборудован компьютеризированным термостатом, который автоматически изменял температуру в доме, понижая ее, когда люди обычно отсутствуют, и повышая, когда они находятся дома. Учитывая колебания, сопровождающие такие изменения температуры, особенно время, необходимое для нагрева или охлаждения дома, время в любом случае может быть искажено. В любом случае, когда прибыл coroner, трупное окоченение еще не наступило, так что его сроки были довольно реальными.

Как только она вернулась к столу представителей, и ее перекрестный допрос, очевидно, завершился, Ребекка остановилась и повернулась.

— Кстати, — сказала она, — вы, кажется, сказали, что там была перерезанная артерия?

— Да, — сказал доктор Ятролла. — Собственно говоря, аорта.

— И вытекло много крови, верно?

— Да.

— И этот кровоток мгновенный и спастический, так? Я имею в виду, что как только она была проколота, кровоток появился немедленно и в большом количестве, верно?

— Да, — сказал он.

— Спасибо, доктор, — сказала она, садясь. — Больше никаких вопросов.

Следующим на трибуну вышел детектив Робинсон, который на протяжении всего процесса сидел за столом представителей рядом с Найтом. Он рассказал о прибытии на место в полночь, обеспечении безопасности на месте преступления, допросе Деборы Бруссар и изучении возможностей наблюдения дома.

— Возможности наблюдения? — спросил Найт.

Робинсон прочистил горло.

— Да, сэр. В доме есть ограждение по периметру и электронные ворота. На воротах есть камеры, которые записывают всех входящих и выходящих каждый раз, когда они касаются ворот — что-то связано с помехами в электрическом сигнале — или когда ворота активируются.

— А вы смотрели отснятый материал?

Робинсон кивнул.

— На нем был показан темный БМВ 325, который въезжал в семь двадцать три и выезжал в семь пятьдесят два.

— Не могли бы вы сказать цвет БМВ? — спросил Найт.

— Нет, сэр, камера снимает только в черно-белом изображении.

— Вы увидели номерной знак?

— Нет, — сказал Робинсон, прочищая горло. — Знаки спереди и сзади были покрыты чем-то вроде слякоти или грязи. Мы не смогли разобрать номер.

— Ваша честь, — сказала Ребекка, вставая. — На этом этапе мы собираемся возразить в соответствии с правилом наилучшего доказательства. Если у них есть пленка, они должны предъявить ее и позволить нам всем сделать собственные выводы, а не позволять свидетелю просто описать свои наблюдения.

Судья Фельдман повернулся к Найту.

— Мистер Найт, у вас есть кассета?

Найт посмотрел на Ребекку.

— Да, ваша честь. Но было бы пустой тратой времени — времени всех — сидеть и смотреть ее.

— Мисс Лайонс? — спросил судья Фельдман.

Она пожала плечами.

— Моему клиенту грозит жизнь в тюрьме, ваша честь. Разумеется, мистер Найт или любой из присяжных, если уж на то пошло, не пожалеют тридцати минут своего времени, чтобы посмотреть запись, на которой, похоже, основывается все расследование свидетеля.

Бен увидел, как несколько членов жюри одобрительно кивнули.

Судья Фельдман приказал Найту поставить запись, являющуюся основой показаний детектива Робинсона. Затем все следующие тридцать минут смотрели пленку.

После перерыва на обед Найт возобновил допрос детектива Робинсона.

— Что для вас значила эта пленка? — спросил Найт у Робинсона.

— Ну, это выглядело так, как будто кто-то в темном БМВ с неизвестным номерным знаком въехал в ворота около семи тридцати и уехал примерно через полчаса. Также было похоже, что это была блондинка. И наконец, было видно, что водительская боковая дверь автомобиля соприкоснулась с воротами при выезде.

Найт кивнул. Затем он попросил Робинсона рассказать дальнейшие подробности расследования той ночи. Робинсон поговорил с Деборой о ее подругах с БМВ 325, особенно со светлыми волосами. Единственные имена, которые она могла придумать, были Сьюзан Флауэрс и Дженнифер Брэдфорд, двое коллег Алена, которых она встречала в прошлом на вечеринках в компании. Когда он не смог связаться с ними по телефону, он поехал в резиденцию Флауэрс. никогда более не была прежней. Говорят, она пришла в себя лишь через несколько месяцев. Волна гнева прокатилась по лицу Найта.

— И я об этом слышу впервые? Что, черт возьми, с тобой не так?

— И что бы ты с этим сделал? Если бы ты и знал, то какая, черт возьми, разница?

— Было бы хорошо, вот и все.

— Что ж, — сказал Робинсон, — по крайней мере, теперь ты знаешь, почему она борется за Дженнифер Брэдфорд. Она сочувствует другой жертве изнасилования.

— Но нет никаких доказательств того, что она была изнасилована, — настаивал Найт.

Робинсон засмеялся.

— Знаешь, ты должен показать, что она убила его, прежде чем они смогут хотя бы поднять эту защиту. И на данный момент есть чертовски мало доказательств, что она даже была в этом гребаном доме.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Они сидели в офисе Ребекки, попивая газировку, в то время как Ребекка задавала вопросы, которые будут заданы на следующий день.

— Так, как ты собираешься играть?

Ребекка подняла глаза и увидела, что Бен нервничает. Она улыбнулась, прежде чем ответить.

— Что ж, — сказала она, — у нас пока все хорошо. Твоя небольшая сессия с Деборой Бруссар окупилась в огромной степени. Как ты заставил ее подыграть?

Бен ухмыльнулся.

— Это было несложно. Я только лишь показал ей несколько видеороликов, а она рассказала обо всей истории. Как и в суде.

— Так ты думаешь, она говорила правду? Я имею в виду, не солгала ли она нам или полицейским?

Бен пожал плечами.

— Понятия не имею. Но как только она на напрямую увидела дорогого милого Алена таким, каким он был на самом деле — а я не думаю, что она была слишком удивлена — она просто усмехнулась и сказала мне, чтобы я не волновался, она не будет проблемой. Она устала играть скорбящую вдову для бедного папы, и это наконец избавит его от нее. Что бы это ни значило.

Ребекка улыбнулась.

— Ну, она проделала чертовскую работу, посеяв семена. И все остальное, — она откинулась на спинку стула и скрестила руки за головой. — Ну, давай просто скажем, что у нас уже есть разумные сомнения относительно того, была ли там Дженнифер.

— И завтра?

— Завтра, мой дорогой, мы собираемся широко раскрыть это дело, — заверила его Дженнифер.

Бен покусал ноготь.

— Ты уверена, что на этот раз мы играем правильно?

Дженнифер кивнула.

— О да, я думаю, у нас есть все, что мы хотим.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

После фейерверка накануне зал суда был переполнен до максимума. Зрителей заполнили все сиденья, а еще почти два десятка выстроились вдоль стен.

— Итак, детектив, — начала Ребекка, — вы дали показания, что были первым на месте происшествия?

— Верно.

— Еще до офицеров в штатском?

— Да. Я был всего в нескольких кварталах на ограблении жилого дома, когда раздался звонок. Я оставил там нескольких офицеров и направился прямо к нам. Я был там через несколько минут после звонка.

— А мистер Бруссар лежал лицом вниз на полу в луже крови?

Робинсон кивнул.

— Это так.

— Вы впоследствии перевернули его?

Робинсон заколебался, зная, к чему все идет.

— Да.

— Вы заметили что-нибудь необычное, когда это сделали?

— Да, — сказал Робинсон, пытаясь уклониться. — Из его ребер торчал нож, а кровь покрывала переднюю часть его тела.

Ребекка улыбнулась.

— Что-нибудь еще необычное?

Робинсон перевел дух. Он понял, что дальнейшее уклонение только навредит делу штата.

— Да, — сказал он. — Брюки мистера Робинсона были расстегнуты, а его пенис был обнажен.

Ребекка задумчиво кивнула, ожидая, пока утихнет нарастающий в зале суда шум.

— И вы слышали, как коронер показал, что, помимо ножевой раны, у мистера Бруссара было еще несколько травм, верно?

— Да.

— И эти травмы были царапиной на шее и царапиной на пенисе, верно?

— Да.

— Над сколькими случаями изнасилования вы работали в свое время в качестве офицера?

— Возражаю, — сказал Найт. — За рамками прямой необходимости.

— Отменяю, — сказал судья Фельдман, не дожидаясь ответа Ребекки.

— Пара сотен.

— В скольких из них свидетели сопротивлялись?

— В пятидесяти, может быть, семидесяти пяти, — сказал Робинсон.

— Какие раны обычно были у нападавших в тех случаях, когда жертва изнасилования боролась с нападавшим?

Робинсон бросил взгляд на Найта, который лишь опустил голову.

— Царапины.

— Где царапины, детектив?

— Лицо, шея, грудь, спина, гениталии, — ответил Робинсон. — В значительной степени там, где была открытая кожа.

Голова Ребекки повернулась, и ее глаза встретились с глазами Робинсона.

— И единственной открытой кожей у мистера Бруссара, когда вы его нашли, были его лицо, шея и пенис, верно?

Робинсон, нарушив первое правило свидетельских показаний, слишком много отвечая, пробормотал свой ответ.

— Что, детектив? Дамы и господа присяжные не услышали вашего ответа.

— Я сказал: «Да, это были единственные открытые участки, не покрытые одеждой», — сказал он, оглядываясь на нее.

— И вы слышали показания мисс Бруссар, верно?

— Да, — сказал он.

— Вы слышали ту их часть о том, где он, казалось, принуждал молодую женщину?

— Да.

— В ходе вашего расследования возникали какие-либо основания для подтверждения истории такого поведения мистера Бруссара?

Робинсон заколебался, снова глядя на Найта в поисках совета. Найт лишь смотрел на него, ничего не предлагая.

— Не торопитесь, детектив, — сказала Ребекка. — Все мы знаем, что это было долгое расследование.

Он съезжился от презрения в ее голосе.

— Ну, мы слышали какой-то грохот, — наконец предложил он.

— Грохот? Это все? Вы уверены, что больше не было? — спросила она. — Доказательство более окончательного типа?

Робинсон вспотел, боясь ответить, но боясь, что его поймают. Лицо Найта напряглось, и он наблюдал за каждым движением Ребекки.

— Что вы имеете в виду под окончательным? — спросил Робинсон.

— Теперь, детектив, я полагаю, вы знаете, что я имею в виду под этим определением. — Она повернулась и подошла к столу представителей, полезла в портфель и достала стопку DVD-дисков. Робинсон увидел, как тело и лицо Дженнифер Брэдфорд напряглись при виде их, ее глаза расширились. Это была первая эмоция, помимо печали, которую она выражала с тех пор, как они начали выбирать присяжных.

Когда Ребекка повернулась и показала DVD на всеобщее обозрение, Робинсон был уверен, что его испуганный взгляд заставил опасения Дженнифер Брэдфорд казаться головокружительной радостью.

— Возражение, ваша честь, — прогремел Найт, взлетая со своего места.

— Мистер Найт, — сказал судья Фельдман, наклоняясь вперед и глядя на прокурора, — нет никаких ожидающих рассмотрения вопросов или каких-либо доказательств.

— Но они будут, — настаивал Найт, — и я хочу, чтобы их немедленно отключили.

Робинсон молчал, не в силах пошевелиться, наблюдая за паникой Найта. Ребекка же, напротив, только улыбнулась, продолжая высоко держать DVD. Ропот в зале нарастал, и попытки судебного пристава утихомирить его оказались тщетными.

Судья Фельдман встал.

— Суд объявляет перерыв, — сказал он. — Представители, следуйте за мной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Фельдман прошел через дверь в свою комнату и к тому времени, как вошли двое представителей, сел. Он улыбнулся им.

— Хорошо, Боб, ты хочешь сказать мне, что подняло шум вокруг твоего нижнего белья?

— Ваша честь, — прервала Ребекка, — мне очень жаль, но мне придется возразить против этого. Если мы собираемся обсудить это, я действительно должна попросить присутствовать судебного репортера.

Фельдман посмотрел на нее. Она была крута как огурец и явно все это разыграла заранее. Он должен был признать, что ему понравилось ее шоу. Для человека, не имеющего опыта защиты дела об убийстве, она еще не пропустила ни шагу. Более того, она выставила Боба Найта полным дураком.

— Ваша точка зрения принята, мисс Лайонс, — сказал Фельдман. — Джим, — крикнул он судебному приставу прямо за дверью, — ты не хочешь попросить Франсину зайти сюда для этого маленького шоу.

Они ждали судебного репортера, который явился через несколько минут со своим стенографическим аппаратом.

— Для протокола, — начал Фельдман, — мы находимся в камере по делу «Народ против Брэдфорд». Присутствуют оба представителя, а также я.

Обращаясь к Найту, он сказал:

— Когда мы прекратили это делать, мистер Найт, вы возражали против того, что выглядело как стопка DVD-дисков. Не могли бы вы теперь объяснить основание вашего возражения,

каким бы несвоевременным оно ни выглядело в данный момент?

Прежде чем начать, Найт подбирал слова.

— Доказательства, которые, как я боюсь, вот-вот будут представлены, крайне вредны и послужат только для разжигания жюри.

— А как вы думаете, что это за доказательства, мистер Найт?

Найт поежился от этого, и ничего не вылетело из его рта.

Фельдман повернулся к Ребекке.

— Мисс Лайонс, — сказал он, — вы можете объяснить, что здесь происходит?

Она широко улыбнулась и положила руки себе на колени.

— Конечно, ваша честь. Видите ли, это DVD-диски с компьютера мистера Бруссара. Они показывают его различные сексуальные завоевания за три года до его смерти.

Фельдман откинулся назад и громко присвистнул. Он смотрел то на Ребекку, то на Найта, и выражение лица Найта говорило ему, что он все еще не понимает всей истории.

— Это доставляет вам дискомфорт, мистер Найт?

Найт покачал головой.

Фельдман снова повернулся к Ребекке.

— Хорошо, мисс Лайонс, если предположить, что вы говорите правду, какова доказательная ценность этих видео?

— Что ж, ваша честь, — сказала она, наклоняясь вперед и заговорщицки шепча, — в подавляющем большинстве видео явно изображен секс, который носил очень принудительный характер.

Фельдман приподнял брови и бросил взгляд на Найта. Но Найт по-прежнему молчал.

— Вы не согласны с характеристикой этих видео мисс Лайонс, мистер Найт?

— Нет, ваша честь.

Фельдман кивнул. Вернувшись к Ребекке, он продолжил:

— Есть еще что-нибудь, или вы собираетесь заставить меня вытаскивать это из вас по крупицам?

Ребекка бросила презрительный взгляд на Найта, прежде чем заговорить.

— Только это, ваша честь, — сказала она, поворачиваясь к судье, и в ее глазах плясал огонь. — У мистера Найта были эти видео, и он совсем не пытался их предъявлять.

Съездившееся тело Найта подтвердило судье Фельдману, что это правда.

— Ты шутишь надо мной, верно, Боб? — сказал он Найту. — Ты преследуешь обвинение в убийстве, в котором мы получили уведомление, что они собираются в качестве оправдания использовать самооборону от изнасилования, а ты не потрудился перелистать видео, на которых изображена жертва — и теперь я использую этот термин с осторожностью — имеет долгую историю принудительного секса?

— Но ни на одном из них, ни разу не показана ответчица, ваша честь, — взмолился Найт. — Они не имеют отношения к этому делу, потому что не доказывают, что она стала жертвой такого принуждения.

— Да ладно, прокурор, — прогремел Фельдман. — Вы знаете лучше всех, что они явно имеют отношение к рассматриваемому вопросу, и защита имела конституционное право на их получение. И у вас было конституционное — и этическое — обязательство передать их ей.

— Но они у нее уже есть, судья, — взмолился Найт. — Там, где они уже есть, нет ущерба.

Фельдман на мгновение задумался.

— Итак, никакого ущерба, никакого фола. Это ваш ответ?

Найт кивнул.

Фельдман повернулся к Ребекке.

— Мисс Лайонс, он хорошо заметил. Если они у вас уже есть, в чем же вред?

— Ущерб, ваша честь, заключается в том, что он показывает, что он спрятал от нас самые важные улики этого дела. И вы не знаете, когда мы их получили. Если бы это случилось лишь вчера — а это, кстати, так и есть, вчера я впервые смогла полностью просмотреть все эти записи — тогда как я должна подготовить защиту, если они позаботились о том, чтобы скрыть все улики, важные для моей защиты? О нет, ваша честь, мы явно потрпели ущерб.

Фельдман кивнул.

— Я могу дать вам отсрочку, разрешить внести поправки в ваш список свидетелей, если вы хотите. Тогда мы все еще можем продолжить.

— А откуда мы знаем, что он не скрывает других улик, ваша честь?

Фельдман повернулся к Найту.

— Боб, еще какие-нибудь сюрпризы для мисс Лайонс?

Найт колебался.

— Нет.

Фельдман перегнулся через стол и посмотрел на прокурора.

— Это ваш последний шанс раскрыться, — сказал он. — Если я найду еще какие-нибудь доказательства, утаенные ненадлежащим образом, то сделаю частное определение о нарушениях закона в ходе судебного процесса.

Найт минуту помолчал.

— Мы ждем, — сказал Фельдман.

— Нет, больше ничего нет.

Фельдман уставился на прокурора, понимая, что он лжет. Затем он посмотрел на Ребекку и увидел улыбку на ее лице. Она тоже знает, что он лжет, и собирается это доказать.